

А. Ю. Епатко

«ДУБИНКА» (ТРОСТЬ) КАК ЧАСТЬ ОБРАЗА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Чем дальше от нас XVIII в., тем более очевидна масштабность и неординарность личности Петра I. Ни один монарх не удостоился столь пристального внимания со стороны современников и потомков, как Петр Великий. Образ легендарного царя-плотника уже при жизни «оригинала» вышел за пределы России, получив всеевропейскую известность. Но если на Западе Петра I знают в основном как сильного и энергичного монарха, победителя Карла XII, строителя Санкт-Петербурга, покровителя европейских мастеров, то в России он еще и образец справедливости, вершащий ее немедленно и притом собственными царственными руками. Именно таким – скорым на расправу с жуликоватыми фаворитами, нерасторопными чиновниками, хитрыми слугами предстает Петр I в народном фольклоре и многочисленных литературных «анекдотах». «Петр Великий вообще любил скорое исполнение правосудия... – отмечал Я. Штелин. – За шалости и другие легкие проступки Он наказывал своею тростью... так, что наказанные еще чрез несколько часов потом могли чувствовать действие сего поспешного правосудия»¹.

Впрочем, царь по-отечески милостив: «на первый раз» применяет свою «дубинную педагогику», предпочитая не доводить дела до суда. Образ русского царя, поучающего уму-разуму провинившихся тростью или «дубинкой», – прерогатива лишь Петра Великого. В России «...все состояния, окованные без разбора, были равны пред его [Петра I] *дубинкою*»², – писал А. С. Пушкин. Действительно, трудно представить в этом образе другого российского монарха, за исключением разве что Павла I. Но если последний колотил своих подданных во время безудержных вспышек ярости (какая уж там справедливость!), то с Петром дело обстояло иначе: провинившиеся, большей частью, считали *за честь* почувствовать на себе тяжелую руку монарха. Сами же орудия наказания – их именуют *тростью*, *дубинкой*, *палицей* и *палкой* – почитались как святыня и хранились в XVIII–XIX вв. в петровских дворцах Ревеля, Нарвы, в городской думе Царицына, петербургской Кунсткамере, Императорском Эрмитаже, в оружейных палатах Москвы и Дрездена. В одном случае царская трость попала в частное собрание при жизни Петра, как мы увидим ниже на примере предания об эстляндском дворянине Рамме. Именно благодаря преданиям стало возможным проследить судьбу петровских раритетов вплоть до настоящего времени. Иные же царские трости «безымянны»: кроме того, что этот аксессуар принадлежал Петру I, хранителям сообщить, увы, нечего.

Но *чем* же царь «поучал» своих подданных? В народных преданиях и «анекдотах» о Петре Великом, как правило, фигурирует абстрактное слово *дубинка*. Подобным

«орудием», согласно одному олонецкому сказанию, Петр наказывал *нетчиков* – неучтенных людей, уклонявшихся от воинской службы. Предание сообщает, что царь ходил по дворам и «вышибал» нетчиков, грозя при этом: «Лоб дубинкою и измеряется!» «Дубинку [Петр] пуце прежнего ручкой жмет, а ручка-то легкая – шесть досок на верхний ярус сам не раз изнашивал». Особенно осерчал царь, когда встретил главного боярина Шереметева, дети которого прятались от службы. «Как вскочит осударь с своо места, – гласит предание, – да как хватит дубинкою по́ столу, так что и стол-то весь расселся на-двое»³.

Сакральность государевой «дубинки» наиболее полно раскрывается в «анекдотах» о шуте Балакиреве. Один из рассказов носит характерное название «Дубинка Петра Великого». В нем повествуется, что шут однажды донес царю о злоупотреблениях А. Д. Меншикова. Узнав об этом, князь гневается на Балакирева, обещая, что даже в случае смерти последнего, не оставит его костей в покое. Напуганный шут прибегает к Петру и подает монарху прошение, где умоляет подарить ему царскую «дубинку». «Велю, Алексеич, положить ее с собою в гроб, – поясняет Балакирев. – ...Грозится Данилыч не оставить и костей моих в покое; так авось тогда уймется!»⁴

Во многих «анекдотах» Балакирев получает от Петра за проказы свою порцию «палок», а иногда ловко проводит царя: скрывается в покоях императрицы, убегает или же просит о пощаде, крича: «Лежачего не бьют!» Иногда шут бравирует тем, что побит самим царем. Например, спрашивает А. Д. Меншикова:

«– Ты да я, много ли нас, Данилыч?

– Двое, – отвечает Князь.

– Неправда, трое... Знаешь, Данилыч, пословицу: за одного битого двух небитых дают. Меня сегодня Государь поколотил. Так что я стою вас двоих»⁵.

Издатель одной из ранних публикаций «анекдотов» о Балакиреве предупреждал: «Воспоминания о дубинке Петра Великого нынешним читателям могут показаться несколько жестокими. Но надобно припомнить простоту тогдашних нравов... В то время это было в порядке вещей. Удары, получаемые из рук Царских, не только не бесчестили, но еще и возвышали во мнении людей получавшаго оныя: „Стало быть [монарх] любит, коль из своих рук жалует“, – говорили о таком»⁶.

Автор многотомного труда «Деяния Петра Великого» И. И. Голиков приводит анекдот о бывшем петровском денщике Ларионе Новикове, которого царь однажды поколотил. «Слуга сей, доживший до глубокой старости, – пишет И. И. Голиков, – случай тот всякому рассказывал, как бы гордяся тою честью, что сам Государь из своих ручек изволил наказать [его] своею палкою»⁷.

Не все, однако, желали признаваться, что поколочены царем. Не афишировал эти «поучения» и сам Петр. Царский механик А. К. Нартов свидетельствует, что наказания провинившихся сановников проходили в царских покоях – Кабинете Петра I или Токарной. «В сих-то комнатах производились все государственные тайности, – сообщает А. К. Нартов. – В них оказываемо было монаршее милосердие и скрытое хозяйское наказание, которое никогда не обнаруживалось и вечному забвению предаваемо было. Я часто видал, как государь за вины знатных чинов людей здесь дубиною потчевал, как они после сего с веселым видом в другие комнаты выходили и со стороны государевой, чтобы посторонние сего не приметили, в тот же день к столу удостоиваны были. Но все такое исправление чинилось не как от императора подданному, а как от отца сыну...»⁸

Почему наказанные выходили «с веселым видом», объяснить несложно: проштрафившиеся сановники предпочитали получить трепку от государя, нежели приговор судьи.

Одним из тех, кого царь учил уму-разуму в Летнем дворце, был князь А. Д. Меншиков. Слухи об этом ходили по всей столице и позднее стали частью легенд Петровской эпохи. Настолько *это* было необычно: великий монарх собственноручно «поучает» палкой своего первого фаворита! Подобный случай имел место после вскрытия очередных финансовых махинаций князя. И, хотя «вина была уголовная... – пишет А. К. Нартов, – государь наказал его [А. Д. Меншикова] только денежным взысканием, а в токарной тайно при мне одним выколотил его дубиной и потом сказал: „Теперь в последний раз дубина; ей, впредь, Александра, берегись!“»⁹.

Слухи о неприятной для князя истории все же просочились за пределы дворца. Не о ней ли идет речь в «Записках» Ф. Вильбуа?.. Последний сообщает, что после завоевания Прибалтики царь узнал, как из-за поборов со стороны А. Д. Меншикова ливонцы покидали свои земли и укрывались в соседних странах. «Прибыв в Ливонию, царь холодно обошелся со своим фаворитом, – сообщает Ф. Вильбуа. – Мотивы этого он ему объяснил в грубых выражениях»¹⁰. «Говорят, – продолжает автор, – что он [царь] бил его [А. Д. Меншикова] палкой, и в этом нет ничего удивительного; это было не в первый и не в последний раз. Хотя это покажется невероятным, тем не менее, это правда. Тем, кто знал этого государя, известна его манера общаться с подчиненными, если он был ими недоволен и если не хотел предавать их законному правосудию... <...> В каждой стране – свои обычаи, свой государь, свой характер»¹¹, – резюмирует француз. При этом Ф. Вильбуа замечает, что подобные истории повторялись: в конце 1722 г. А. Д. Меншиков снова оказался в царской немилости. Однако, как пишет голштейнский дипломат Г.-Ф. Бассевич, царь слишком любил князя, чтобы подвергнуть последнего публичному наказанию. С другой стороны, Петр «счел долгом правосудия наказать его келейно, и для этого он употребил свою собственную руку»¹².

То, что великий монарх неоднократно «поучал» светлейшего палкой, или, точнее, тростью, не было забыто и в послепетровское время. Англичанину Ф. Дэшвуду, посетившему Петербург в 1733 г., рассказывали, что царь имел обыкновение приходить в коллегии в четыре часа утра, и если же чиновников еще не было или они опаздывали, то Петр, дождавшись их, «крепко колотил их своей тростью, и сотню раз проделывал это по отношению к высокому князю Меншикову, своему главному министру и фавориту»¹³.

Подобные слухи ходили в Европе еще при жизни Петра. Когда герцог Орлеанский, регент при малолетнем короле Франции Людовике XV, поинтересовался у своих вельмож, кто желает выехать навстречу русскому монарху и приветствовать его от имени короля, один из сановников утрюмо заметил: «Говорят, что у Царя рука не очень легкая и что плечи первого министра его Меншикова редко заживают от дубинки»¹⁴.

Что касается самого князя, то последний был рад отделаться подобным отеческим наказанием. Меньше повезло его компаньону Г. Г. Скорнякову-Писареву, курировавшему «на паях» со светлейшим строительство Ладожского канала. Б. Миних в 1723 г. оказался свидетелем неприятной сцены: прибывший на канал царь остался недоволен ходом работ, так как канал строился медленно, с множеством технических ошибок. Когда же Петр поинтересовался у Писарева, отчего берег не укреплен, то получил невнятный ответ: это, мол, сделано «по причине холмов». Тогда царь указал тростью на окружающее пространство, заметив при этом, что не видит здесь ни одного холма, после чего назвал Писарева

Ил. 1. Петр I наказывает за небрежение к мостам генерал-полцимейстера А. Девьера. Немецкая гравюра 1841 г. Из коллекции автора

«бездельником». «Все думали, что Государь будет бить тростью Писарева, – вспоминает Б. Миних, – и что Писарев *сам того желал* (курсив мой. – А. Е.), дабы получить прощение и избежать следствия»¹⁵. Но ожидания Григория Григорьевича не оправдались: царь не стал наказывать нерадивого чиновника своей венценосной рукой, а приказал отдать его под суд.

Не избежал царского «рукоприкладства» и генерал-полцимейстер А. Девьер. Один из «анекдотов» Я. Штелина повествует о том, как Петр, инспектируя вместе с А. Девьером городские дороги, увидел испорченный мост. Царь вышел из одноколки, приказал денщику поправить доски, а чиновника тут же поколотил своей «палкой», приговаривая: «Впредь будешь ты лучше стараться, чтобы мосты были в надлежащей исправности, и сам будешь за этим смотреть». «Между тем мост был починен, и гнев у Государя прошел, – сообщает Я. Штелин. – Он [царь] сел в одноколку и сказал Генерал-Полцимейстеру весьма милостиво, как бы ничего между ними не случилось: „Садись, брат“»¹⁶ (ил. 1, 2).

Ф. П. Лубяновский в своих «Воспоминаниях» рассказывает, как вернувшиеся из Голландии молодые дворяне просились «к матерям на побывку». На это им отвечали,

Ил. 2. Петр I наказывает генерал-полцимейстера А. Девнера.
Опубликовано в: *Ламбин Н. П. История Петра Великого. СПб., 1843*

что на дворе военное время (шла Северная война) и отпуска запрещены царским указом. «Государь на это слово не скажет», – парировала молодежь. «Не он, так дубинка заговорит»¹⁷, – следовал многозначительный ответ.

Как видим, образ скорого на расправу царя возник не на пустом месте: Петр I действительно лично наказывал нерадивых сановников, но не легендарной «дубинкой», а тростью, с которой практически не расставался. Одно из подтверждений этому находим в «Записках» В. А. Нащокина; последний был свидетелем тому, как в 1720 г. царь конвоировал пленных шведов. Во время учреждения конвоя монарху не понравилось поведение старшего капитана Петра Иванова, которого, по словам В. А. Нащокина, царь «при всей той okazji бил тростью»¹⁸.

К слову сказать, не всегда монаршее «поучение» шло на пользу наказуемому. Напротив: иногда оно даже могло быть опасным для жизни. Например, Я. Штелин связывал болезнь и смерть архитектора Ж.-Б. Леблон с царскими побоями, о чем поведал в одном из «анекдотов»¹⁹. В нем сообщалось, что царь был введен в заблуждение донесением А. Д. Меншикова о том, что Ж.-Б. Леблон самовольно подрубил часть деревьев в петергофском саду (князю было известно, что монарх дорожил этими посадками). Будучи не на шутку рассерженным, Петр выбрал архитектора и ударил последнего по плечу «палкою». Ж.-Б. Леблон, никогда не видевший монарха в столь сильном гневе, так испугался, что занемог «горячкою» и слег в постель. И, хотя вскоре царь принес француз

свои извинения и заверил в прежней милости, Ж.-Б. Леблон был настолько поражен случившимся, что непрестанно болел и весной следующего, 1719 г. скончался.

Впервые об этом случае Я. Штелин упоминает в своих «Записках об изящных искусствах в России», начатых в 1760 г. Ученый с присущей ему лаконичностью обрисовал незавидную судьбу Ж.-Б. Леблona при русском дворе: «Преследовался князем Меншиковым и его партией, был бит царем и вскоре умер»²⁰.

В этот невеселый «анекдотический» сюжет верится с трудом. Однако он подтверждается перепиской французского посланника А. де Лави с королевским двором. 11 ноября 1717 г. дипломат докладывал, что Петр I осматривал работы, произведенные в его отсутствие в Петергофе и Стрельне. «При этом терпение его подвергалось большому испытанию и г. Леблон почувствовал грустные последствия этого обстоятельства»²¹. Прусский посланник И.-Г. Фоккеродт слышал нечто подобное: до него дошли слухи, что Ж.-Б. Леблон без ведома Петра выломал и поднял выше окна в одном из царских загородных домов, поэтому архитектор «чуть-чуть не почувствовал на себе тяжесть руки этого государя»²².

Характерно, что западные специалисты без радости встречали рукоприкладство со стороны российских властей. По крайней мере, гордости от того, что они поколочены «высоким» лицом, не испытывали. Например, немецкий инженер Бренкель, работавший в 1698 г. над проектом соединения Волги с Доном, был вынужден бежать на родину, после того как был побит князем Б. А. Голицыным. Из Германии Бренкель писал Петру, что Б. А. Голицын «дурно с ним обращался», а однажды даже *ударил тростью*²³. Едва ли царь нашел что-либо предосудительное в поступке сподвижника.

Итак, штелинский «анекдот» о Ж.-Б. Леблоне все же имеет под собой почву. Тем более, известно, что Петр I нередко терял над собой контроль. Это происходило во время вспышек гнева или припадков, которые у монарха случались, а царская рука была в самом деле «тяжелая». И тому есть свидетельства: польский резидент Иоганн Лефорт стал очевидцем трагического случая, происшедшего в 1721 г. в Риге во время пожара в церкви Святого Петра. Дипломат, живший недалеко от храма, оказался в толпе, пытавшейся предотвратить пожар. На его глазах один солдат взял себе кусок меди, свалившийся с обгоревшей крыши. «Бедняжка! – восклицает И. Лефорт. – Он и не думал, что его последний час так близок. Он встретил Царя, и тот по привычке ударил его своею тростью. Я не знаю почему, или трость была очень тяжела, или удар пришелся в чувствительное место, но как бы то ни было, несчастный отдал Богу душу...»²⁴

Скорее всего, И. Лефорт был недалек от истины: монаршая трость могла быть достаточно тяжелой. Например, легендарная «царицынская» трость, ныне хранящаяся в Волгоградском областном краеведческом музее, весит около 3 кг, а «нарвская дубинка» весила, по словам очевидцев, более 5 фунтов (более 2 кг) и была похожа на «Геркулесову палицу»²⁵.

О. П. Беляев, описывая «Кабинет Петра Великого» в Кунсткамере, упоминает «всему свету известную [петровскую] дубину», которая представляла собой толстую «очень тяжелую» трость с набалдашником из слоновой кости²⁶.

В 1903 г. в Летнем дворце Петра I проходила юбилейная выставка, где экспонировались несколько царских тростей. Среди них были выставлены «железная палка, бывшая в употреблении у Петра Великого», а также «палка для насыпки песком»²⁷. Возможно, последняя представляла собой полуто трость, которую для лучшей опоры заполняли

песком. Что касается «железной палки», можно предположить, что речь идет о маршальском железе. Последний был доставлен на выставку из древлехранилища Александро-Невской Лавры. Жезл (в описании 1809 г. он поименован «маршальской тростью») был обит медью и имел длину около 50 см²⁸.

Увесистые трости использовали и в XIX в. Например, А. С. Пушкин в свой кишиневский период ходил с металлической тростью, которую его друзья называли «железной палкой». Основой для этой внушительной трости послужил ствол старого ружья. Это была так называемая «тренировочная» трость, укрепляющая кисть руки. Сам поэт объяснял, что носит тяжелую трость для того, «чтобы рука была тверже, если придется стреляться»²⁹. Что касается Петра, то при его развитой физической силе царь мог и не замечать, что одна из его тростей на 2–3 фунта тяжелее другой...

Наибольшее количество преданий, связанных с тростью Петра I, было записано в Эстляндии в XIX в.; все они имеют отношение к дворянину Рамму, владения которого располагались недалеко от порта Рогервик (ныне – Пáлдиски).

После падения Ревеля в 1710 г. Петр отправился осматривать строительство Рогервика. Проезжая мимо крупного замка Пáлдизе, царь послал нарочного к его владельцу с заявлением, что собирается здесь отобедать. Приверженец старой шведской власти, Рамм ответил, что не принимает у себя официальных лиц. При этом он ссылаясь на прежние права, которыми пользовались владельцы эстляндских поместий. Предание гласит, что Петр вспыхнул, вошел в замок и тростью «наэлектризовал спину дерзкого [хозяина]»³⁰. Утолив гнев, царь остался у Рамма обедать. За столом противники помирились: российский монарх очаровал хозяина. Последний же, в свою очередь, предоставил Петру немало ценных сведений об Эстляндии. Расставаясь, царь спросил у Рамма, какой он ждет милости от него. «Государь! – ответил хозяин. – Подари мне трость, которою меня наказывал: она будет памятником моего заблуждения, Царской горячности и великодушия великаго человека»³¹.

Так петровская трость осталась в замке и более двух столетий хранилась у потомков Рамма как семейная реликвия. Она находилась в специальной «тростевой комнате», «в стеклянном футляре за печатью»³². Раритет показывали гостям и лишь изредка, в особо торжественных случаях, им пользовались по назначению. Трость была простая, деревянная, с круглым серебряным набалдашником, без герба, монограмм и других украшений.

Дальнейшая история «раммовской» трости удивительна! О ней поведал эстонский историк Ю. Куускемаа. Исследователь сообщает, что после заключения пакта Молотова – Риббентропа (1939) Раммы, как все прибалтийские немцы, были вынуждены покинуть Эстонию. Беженцев поселили в «Польском коридоре». Однако в начале 1945 г. из-за приближения линии фронта гражданскому населению был дан приказ переселиться в более спокойные места. «Покидая дом, – пишет Ю. Куускемаа, – один из Раммов спрятал царскую трость в подвале за огромный платяной шкаф. Вновь посетить свое временное пристанище в Польше ему удалось лишь в 1964 году. Дом уцелел, в подвале на том же месте стоял большой платяной шкаф. Только... царская трость исчезла. Так пропал предмет, который сейчас по праву мог бы находиться в музейной витрине»³³.

Известна еще одна «эстляндская», точнее, «нарвская» трость Петра I. В XIX–XX вв. она экспонировалась в доме Якоба Нимана, где с 1704 г. останавливался монарх. (Позднее дом стал именоваться Нарвским дворцом Петра I, хотя официально здание было приобретено у потомков Я. Нимана Екатериной I в 1726 г.)

Самое раннее свидетельство об этой реликвии встречаем в «Записках» гидрографа Г. А. Сарычева, посетившего дворец в 1803 г. Петровскую трость он описывает как суковатую дубину, «наподобие Геркулесовой палицы»³⁴.

Спустя четверть века издатель «Отечественных записок» П. П. Свиньин отметил, что петровские трости хранятся в большой зале, в старинном шкафу. Это, собственно, две трости и одна «дубинка». Из них именно последняя, весившая более пяти фунтов, привлекла внимание издателя «Отечественных записок». «Горе получавшим исправление сею... из рук Монарха!» – восклицает П. П. Свиньин, добавляя при этом, что «палица» была пожалована царем магистрату, «коим Он был почему-то недоволен – для напоминания Членам онаго, при взгляде на сей талисман, их обязанностей и справедливости в решении дел»³⁵. Об этом же предании говорилось на заседании археологического общества, проходившем в Нарвском дворце в 1901 г. Представляя экспонаты дворца, историк Г.-И. Хансен отметил, что «дубинка» – историческая: согласно местному преданию, Петр пригрозил ею членам нарвского магистрата. «Было ли это в действительности, конечно, трудно поручиться, – размышляет другой нарвский историк, А. В. Петров, – но корень этого предания один и тот же – с рассказами о том, как разгневанный царь учил дубинкою провинившихся подданных»³⁶. Историк также добавляет, что по длине нарвская дубинка «очень подходит к росту Петра Великого»³⁷.

Увы, местонахождение раритета неизвестно: в 1944 г., при отступлении немецких войск из Нарвы, петровский дворец был разрушен и до наших дней не сохранился. Часть его экспонатов передали в краеведческие музеи Прибалтийских республик, а часть бесследно пропала. По крайней мере, в двух крупных прибалтийских музеях, куда мы обратились с запросами о судьбе петровской трости, – в Нарвской художественной галерее и Музее истории Риги и мореходства – подобный экспонат не числится.

Еще одна «прибалтийская» трость Петра I экспонировалась в Риге уже в елизаветинское время. Французский дипломат де ла Мессельер, проезжавший в 1757 г. Лифляндию, видел в галерее Рижского замка «знаменитую палицу, которою Петр Великий бивал бояр, дерзавших ему противиться»³⁸.

Схожая трость, выполненная в виде суковатой палки, экспонируется вместе с петровским картузом в Волгоградском областном краеведческом музее. «Царицынской» трости, можно сказать, повезло больше, чем другим тростям Петра I: на раритет обращали внимание многие именитые путешественники, следовавшие вниз по Волге. Ее зарисовывали известные художники – братья Г. Г и Н. Г. Чернецовы (ил. 3), А. П. Боголюбов. Историки и краеведы также почтили вниманием легендарный экспонат. С другой стороны, споры о подлинности «петровской» трости не утихают и по сей день.

Предание гласит, что трость, как знак особого благоволения к жителям города, подарил Царицыну сам Петр Великий на своем обратном пути из Персидского похода (таким образом, это могло иметь место в ноябре 1723 г.). Свой подарок монарх якобы сопроводил следующими словами: «Вот вам трость! Я управлялся ею с друзьями, а вы защищайтесь от врагов»³⁹. После отъезда Петра царский подарок остался в ведомстве коменданта Царицынской крепости (в пейхгаузе инвалидной роты)⁴⁰.

В 1807 г. было принято решение о переносе петровской трости в Царицынскую городскую думу, что было выполнено с большим церемониалом. В 1838 г. художники Г. Г. и Н. Г. Чернецовы, совершавшие путешествие по Волге, посетили Царицын,

Ил. 3. Царицынские реликвии: петровские картуз и трость.
Гравюра по рисунку Г. Г. и Н. Г. Чернецовых 1838 г.
Опубликовано в: *Иллюстрация. СПб., 1845. Т. 1. С. 469*

где видели знаменитый петровский «презент», выставленный в думе «в особом шкафу за стеклом»⁴¹. Художники отмечают, что трость выполнена из дерева неизвестной породы.

Автор «Воспоминаний о Саратовской губернии» В. Беккер дает следующее описание трости: она «вязовая... к низу толще, с корою, почерневшей от времени; на верхнем конце сук и кора от руки стерлись»⁴². Волгоградский историк А. В. Материкин в своем подробном исследовании о царской трости замечает, что многочисленные очевидцы по-разному оценивали ее длину и вес. Исследователь обратился к учетным документам Волгоградского областного краеведческого музея и получил следующие паспортные данные экспоната: длина трости – 1 м 60 см, вес 1550 г.

На необычную высоту «царицынской» трости, которая была под стать внушительному росту монарха, обращали внимание многие. Например, Г. В. Гераков отмечал, что петровская «дубинка» выше его, Геракова, роста⁴³. Схожее свидетельство приводит И. К. Бабст: «дубинка» показалась ему «огромного размера, достойная великана»⁴⁴.

К сожалению, А. В. Материкин не сообщает, из чего выполнен раритет. Нельзя не обратить внимания на то, что эти данные тоже разнятся: например, П. Л. Юдин в статье «Петровские реликвии в Поволжье» пишет, что «царицынская» трость представляет собой «черешневую палку»⁴⁵. Другой очевидец свидетельствует, что трость была «выломана из простой березы и только гладко выстругана»⁴⁶. И. К. Бабст описывает раритет как «палку с большим суком, вырезанную из турецкой или персидской черешни»⁴⁷.

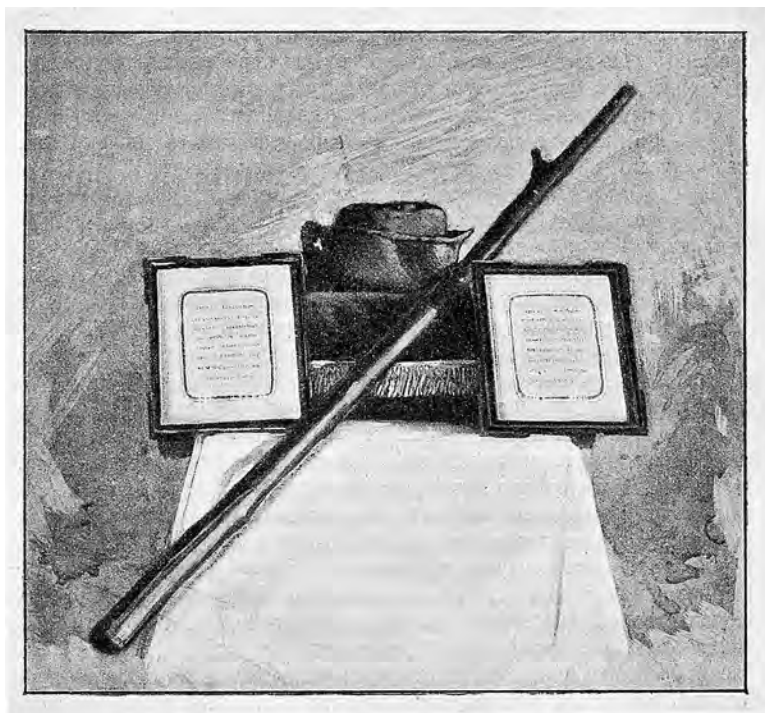
Как уже упоминалось, не все исследователи согласились с тем, что трость подлинная, то есть петровская. «Скептикам, утверждающим, что столь простые вещи (картуз и трость) не могли принадлежать императору, – пишет А. В. Материкин, – можно ответить, что Петр I мог ими воспользоваться один (или несколько) раз по дороге в Царицын; мог взять их у слуг или у кого-то из сопровождающих его лиц и вручить горожанам, сказав при этом слова, придавшие церемонии оттенок торжественности»⁴⁸.

С. А. Мезин в своей работе «Петровские реликвии в Поволжье»⁴⁹ подверг сомнению принадлежность «царицынской» трости Петру I. «Подлинность вещей (картуза и трости. – А. Е.) подтверждается в документах лишь „словесными преданиями старожилов города Царицына“⁴⁶, – пишет исследователь, – а потому ставится под сомнение современными историками⁵⁰, как и сами сюжеты, связанные с пребыванием Петра в Царицыне». По словам С. А. Мезина, упомянутые историки (см. примеч. 50) обратили внимание на то, что «простая вязовая палочка с сучком не имеет аналогов среди подлинных царских вещей»⁵¹. На это можно возразить, что аналог все же был – это уже упоминавшаяся суковатая вязовая «дубинка», или «палица», из дворца Петра I в Нарве. Последняя описана многими очевидцами, и вряд ли царь не имел к ней никакого отношения. Тем более, длинные толстые трости в виде суковатых дубинок в XVII в. были популярны в Западной Европе, а затем, как дань моде, появились в России⁵². С конца XVIII в. подобные аксессуары в Петербурге уже были не в ходу: Павел I наряду с жилетками и круглыми шляпами строжайше запретил «суковатые» трости, в которых подозрительный монарх усматривал влияние французской революции. Впрочем, сразу же после кончины императора «запретные» трости были извлечены из кладовок. Ф. В. Булгарин вспоминает, что вернувшийся из Парижа в 1801 г. литератор М. А. Магницкий щеголял по Петербургу «с огромной сучковатой палицей», многозначительно именовавшейся во Франции «droit de l'homme» («право человека»)⁵³.

Подобную «простую» трость описывает камер-юнкер Ф. В. Берхгольц. В 1723 г., во время церемонии встречи персидского посла, Петр I предстал перед гостем «с шляпою под мышкою и *простою палкою* (курсив мой. – А. Е.) в руке»⁵⁴.

Таким образом, аргумент С. А. Мезина и ряда историков, основанный на том, что в силу своей *простоты* «царицынская» трость не могла принадлежать монарху, нам кажется не убедительным.

Полемизируя с А. В. Материкиным, С. А. Мезин замечает, что дарение Петром I своей одежды – довольно распространенный сюжет в русском фольклоре. Поэтому, как полагает исследователь, попытка А. В. Материкина обосновать подлинность вещей и связанных с ними сюжетов представляется неудачной⁵⁵. Чтобы подкрепить свои доводы, С. А. Мезин ссылается на известное предание о царском камзоле. Напомним его содержание: проезжая Вытегорский погост, Петр подарил крестьянам свой камзол «на шапки», которые последние собирались хранить «на память... царя-батюшки милости»⁵⁶. Исследователь встретил этот рассказ в сборнике «Народная проза», опубликованном в 1992 г. Однако предание о петровском камзоле старое, оно известно в нескольких вариантах. Один из них был напечатан в «Олонецких губернских ведомостях» в 1880 г.⁵⁷ Как следует из публикации, предание записано от священника 1733 года рождения, отец которого встречался с Петром I⁵⁸. Вытегорский рассказ был извлечен из рукописи, хранившейся в библиотеке Олонецкой гимназии, известным краеведом середины XIX в. К. М. Петровым. Поэтому аргумент С. А. Мезина, построенный на том, что дарение Петром I своей одежды – не что иное, как плод народного вымысла, представляется сомнительным: за свою жизнь Петр посетил немало российских окраин – Нижнее Поволжье, Прибалтику, Олонецкую губернию, Беломорье. Царь запросто общался с крестьянами, заходил в избы, обедал с хозяевами, крестил детей. Краеведы и фольклористы XIX в. нередко встречали в крестьянских домах петровские «презенты», хранившиеся как святыни: где – полтинники, подаренные царем на рождение ребенка,

Ил. 4. Царицынские реликвии: петровские картуз и трость.
Опубликовано в: *Исторический вестник*. СПб., 1903

где – ковши⁵⁹, бокалы⁶⁰, а где – серебряные чарки, из которых царь пил, отмечая крестины. Такие стопки стояли «под божницей», то есть под иконами⁶¹. Словом, нет ничего удивительного в том, что петровские реликвии обнаруживались в тех местах, которые царь некогда проезжал (ил. 4). Тем более, не все предметы монарх жаловал, что называется, по собственному почину. Например, тот же Рамм *сам* попросил у Петра на память царскую трость. Что касается вытегорского предания о царском картузе, – последний был выпрошен «на шапки» местным блаженным, неким Гришкой.

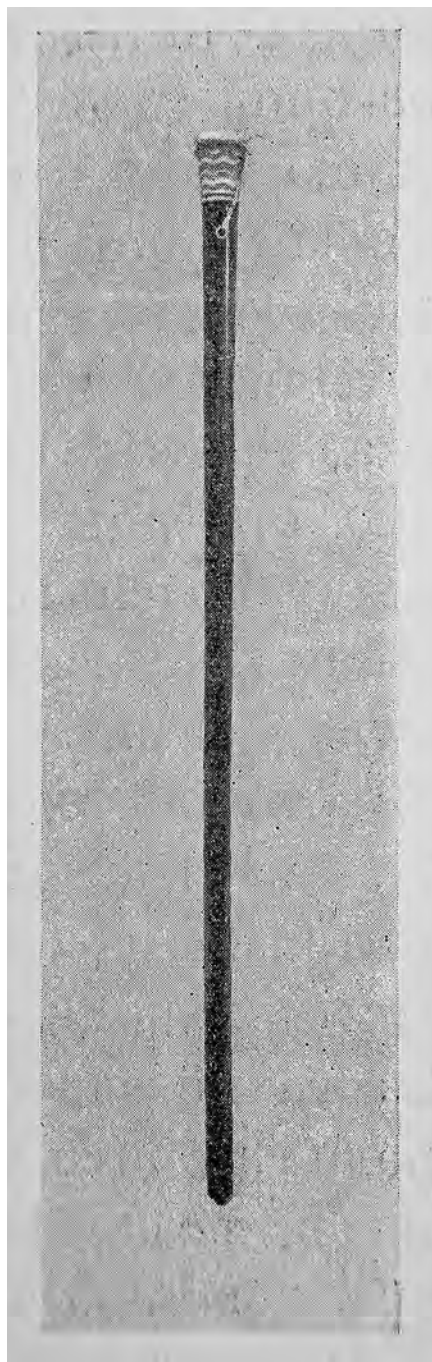
Возвращаясь к «царицынской» трости, нам остается только присоединиться к мнению А. В. Материкина, полагающего, что «царицынская» трость – подлинная. К тому же незадолго до своей публикации исследователю удалось обнаружить в фондах Волгоградского областного краеведческого музея самое раннее упоминание об этой реликвии: 21 июня 1790 г. комендант Царицына Цеддельман запрашивал городской магистрат о любых сведениях, которые могли бы прояснить вопрос, «по какому случаю оставлены со временем шествия в низовья [поволжские] города... Государя Императора Петра Первого трость и картуз»⁶².

Со своей стороны добавим, что Петр не расставался с тростью даже во время военных походов. Не исключено, что именно «царицынской» тростью монарх наказывал астраханского губернатора А. П. Вольнского. Как следует из бумаг последнего, Петр был разгневан на чиновника за то, что тот представил неверные сведения относительно прикаспийского города Эндери, который оказался значительно многочисленнее. По признанию самого виновника, монарх бил его тростью и только заступничество императрицы

избавило Артемия Петровича от дальнейшей экзекуции⁶³. Впрочем, спустя полтора столетия в Царицыне не углублялись в историю: желающим воочию увидеть петровскую реликвию, рассказывали, что это – та самая дубинка, которой Петр I бил своего министра Меншикова (!). Такую версию приводит в своем путевом дневнике англичанин Н. Роо, посетивший Царицын в 1870 г.⁶⁴

На примере «царицынской» и «раммовской» тростей мы видим, каким образом петровские реликвии попадали в тот или иной регион. Что характерно, некоторые из них были изготовлены царем собственноручно. Описывая петровский дворец на Марциальных водах, Н. Самойлов упоминает, что в токарне хранилась «деревянная осмигранная [трость], выкрашенная зеленой краскою»⁶⁵. По всей видимости, это одна из петровских «поделок», выточенная на токарном станке. Среди подобных царских работ известна трость из черного дерева, подаренная Петром Великим первому архимандриту Александро-Невской Лавры Феодосию (Яновскому) в 1714 г. Ее светлый набалдашник из слоновой кости, согласно ризничной описи 1724 г., был «точен собственными Его Величества руками»⁶⁶ (ил. 5). По завещанию Феодосия, царскую трость выносили на праздник Сретения, где архимандрит использовал ее вместо настоятельского жезла.

Оружейная палата Московского Кремля также располагает собственноручной работой Петра Великого. В музее экспонируется толстая трость, выполненная из яблоневого дерева. В верхней половине трость обтянута тисненой кожей. Медный круглый набалдашник украшен резным геометрическим узором. Наконечник – железный, с граненым шипом. Припечатанный бумажный ярлык поясняет: *трость Петра Первого / из рук преобразователя России и их же дело* – надо понимать, собственноручных

Ил. 5. Трость, подаренная Петром I архимандриту Александро-Невской Лавры Феодосию в 1714 г. Костяная рукоять трости – «дело великодержавных рук Петра Великого». Опубликовано в: Рункевич С. Г. *Александро-Невская лавра, 1713–1913*. СПб., 1913

трудов Петра I. Трость была поднесена московским купцом И. И. Родионовым в дар Николаю I, который, в свою очередь, повелел передать ее в Оружейную палату⁶⁷.

Помимо этого раритета в палате хранились еще две петровские трости: первая – западноевропейской работы с золотым набалдашником, другая – «цельная» из черепахового панциря⁶⁸.

В Оружейной палате Дрездена уже более трех веков экспонируется петровская трость «с историей»: она была преподнесена царем польскому королю Августу II во время их первой встречи в Раве-Русской⁶⁹ в августе 1698 г. Трость – японской работы, покрыта акульей кожей. Известно, что трость была привезена Петром I из Голландии, куда подобные редкости поставляли корабли Ост-Индской компании⁷⁰.

В собрании Государственного Русского музея, в экспозиции Домика Петра I, экспонируется еще одна трость, принадлежавшая легендарному монарху. Деревянный раритет обтянут кожей морского ската; медный резной набалдашник покрыт черным лаком и расписан цветочным позолоченным орнаментом. Высота трости – 108 см.

Одна из самых известных петровских тростей в XVIII в. украшала собрание Санкт-петербургской Кунсткамеры, куда после кончины императора поступила часть его личных вещей. Первые сведения о ней находим у Я. Штелина, который упоминает стоящую в углу петровского Кабинета «дубину Петра Великого». По словам ученого, это была «толстая трость с набалдашником из слоновой кости»⁷¹. Я. Штелин приводит следующий случай, связанный с этим экспонатом: однажды ученый показывал Кунсткамеру одному из придворных Елизаветы Петровны. Когда он уже собирался поведать о петровской «дубине», тот, прервав речь хранителя, произнес: «Не сказывай мне этого; я ее («дубину». – *А. Е.*) знаю лучше и прежде тебя; в молодых годах часто плясала она по моей спине»⁷².

Другим «экскурсантом» по петровскому Кабинету был небезызвестный царский повар (кухмистер) И. Фельтен, с которым Я. Штелин познакомился около 1736 г. По словам ученого, заметив «Государеву трость», Фельтен сказал своему зятю Д. Шумахеру: «Эту мебель, зятюшка, можно бы и спрятать, чтобы она не всякому в глаза попадалась: может быть, у многих так же, как и у меня, зачесется спина, когда они вспомнят, как она прежде у них по спине танцевала»⁷³.

Подобный случай из жизни царского повара описывает следующий штелинский «анекдот»: Петр I любил голландскую кухню и особенно «жаловал» лимбургский сыр. Однажды Фельтен подал монарху его любимый деликатес. Отведав сыра, царь вынул из кармана «масштаб» (очевидно, речь идет о линейке), замерил оставшийся продукт и записал в свою книжку его точные данные. При этом Петр приказал, чтобы повар никому не давал сыра и всегда ставил его на стол до тех пор, пока деликатес «не изойдет». На следующий день сыр снова был подан на царский стол, но, увы, оказалось, что заморский продукт «чудесным образом» уменьшился. На вопрос монарха, отчего добрая часть сыра «убыла» со вчерашнего дня, Фельтен отвечал, что это ему неизвестно, так как он сыр «не мерил». «А я его вымерял, – сказал император и, приложивши масштаб, показал ему, что половины сыру не доставало». После этого Петр встал из-за стола, «схватил свою трость и, поколотивши ею обер-кухмистра, сел опять за стол и кушал спокойно свой сыр, которого остатки после того еще несколько дней подаваемы были на стол»⁷⁴.

«Анекдот», записанный со слов другого зятя Фельтена, камергера Древника, кажется достоверным: А. К. Нартов, в свою очередь, упоминал, что царь предпочитал именно

лимбургский сыр, добавляя при этом, что за столом Петру прислуживал «мундкох⁷⁵ его Фельтен»⁷⁶.

Легендарная «дубинка» из Кунсткамеры, к сожалению, не сохранилась. Одним из первых, кто обратил внимание на ее исчезновение, был немецкий историк начала XIX в. Г. А. Галем. Он сетовал на то, что «дубинка сия долгое время хранилась в Академической Кунсткамере, но ныне ея там не видно»⁷⁷. Информацию о судьбе исчезнувшего экспоната находим у «надзирателя» Кунсткамеры О. П. Беляева. В своем труде «Кабинет Петра Великого», вышедшем в 1793 г., он сообщает, что многие посетители высказывали желание видеть «почтенную сию *дубину*». Это желание, отмечает автор, было настолько сильным, что «некоторые из усердия к ней («дубине». – *А. Е.*) охотно бы на спине своей согласились испытать ея силу, только бы оную видеть»⁷⁸. Увы, О. П. Беляеву приходилось разочаровывать посетителей: петровская «дубинка» давно была взята в Адмиралтейство (очевидно, в «Модель-камору», позже преобразованную в Морской музей) и там при пожаре сгорела. Скорее всего, это произошло в 1783 г., когда Адмиралтейство пострадало от крупного пожара⁷⁹.

Впрочем, во втором издании «Кабинета Петра Великого» (1800) О. П. Беляев, описывая так называемую «портретную» комнату (где находилась восковая персона Петра I), между прочим упоминает «всему свету известную [царскую] дубину»⁸⁰. Можно предположить, что смотритель Кунсткамеры считал, что без упоминания легендарной трости (к тому времени уже утраченной) каталог петровского Кабинета будет не полным.

Еще одна петровская трость экспонировалась в Адмиралтействе, где с 1805 г. располагался «Морской музеум». Путеводитель по Санкт-Петербургу, вышедший в 1820 г., упоминает *мерную* трость Петра I, на гранях которой были нанесены меры длины. Согласно путеводителю, трость-линейку царь использовал, когда собственноручно мерил детали строящегося корабля⁸¹. Подобную петровскую трость можно было видеть в XIX в. в Нарвском дворце, где она значилась как «палка с обозначением различных мер длины»⁸².

В Государственном Эрмитаже экспонируются несколько петровских тростей. Благодаря любезности старшего научного сотрудника Отдела истории русской культуры Г. Б. Ястребинского нам удалось ознакомиться с ними. Одна из них – трость-линейка. Эта западноевропейская трость выполнена из испанского камыша, слоновой кости и медных сплавов (наконечник). В отличие от «нарвской» и «адмиралтейской» тростей «измерительная» трость из Эрмитажа – с секретом: костяной набалдашник отвинчивается, внутри – квадратная в сечении рейка с дюймовой шкалой, к которой на шарнире крепится медная неразмеченная линейка. Внутри наверхняя другой царской трости находится зрительная труба (ил. 6). Отметим, что аналогичной «зрительной» тростью пользовался Карл XII: в XIX в. королевская реликвия экспонировалась в Оружейной палате Стокгольма⁸³.

Известно, что Петр ценил западные новшества с «секретом» – будь то трость или оружие. В XIX в. в Кунсткамере, в Кабинете Петра Великого, хранился кортик французской работы, в ножнах которого в специальном мешочке располагались ножик и вилака⁸⁴.

Итак, русский царь старался не отставать от европейской моды. Во время своего второго западного путешествия 1717 г. Петр не жалел денег на трости. Расходные записи свидетельствуют, что царь не только приобрел этот аксессуар для себя (в Париже монарх стал обладателем трости с золотой рукояткой и лентой к ней), но и считал нужным

Ил. 6. Трости Петра I с «секретами»:

а – «зрительная» трость. Западная Европа (?). Начало XVIII в.

Испанский камыш, латунь, серебро. Инв. № ЭРГх-2422. *Государственный Эрмитаж*;

б – «измерительная» трость. Западная Европа. Первая четверть XVIII в.

Испанский камыш, слоновая кость, металл (медный сплав), дерево. Инв. № ЭРГх-2471.

Государственный Эрмитаж

снабдить тростью своего шута. Трость последнего, купленная, очевидно, в Голландии, обошлась русской казне в 3 гульдена, тогда как царская – в 75 ливров⁸⁵.

Не с этой ли «золотой» тростью, приобретенной у парижского кушца Карла Деффрена, Петр запечатлен во время встречи с Людовиком XV? На западной гравюре того времени мы видим царя в европейской одежде и с короткой тростью в руках.

Впрочем, годом ранее (1716) царь предстал перед датчанами с тростью другого фасона. Аптекарь Клаус Зейден вспоминал, что у царя была в руках длинная трость, которая, впрочем, не придавала Петру особого шарма: по словам К. Зейдена, русский монарх походил «на сержанта или, скорее, на палача». По-видимому, на такую категоричную оценку повлияло то обстоятельство, что двое датчан, осмелившихся подойти к знатному гостю слишком близко, «попробовали его палки»⁸⁶.

Именно после второго европейского путешествия Петра в России возник интерес к трости как детали светского костюма⁸⁷. Причем последняя не столько помогала при ходьбе, сколько являлась важным символом превосходства, указывающим на положение и социальную принадлежность владельца. Европейское новшество оценили и российские женщины: в середине XVIII в. трость являлась необходимым дополнением дамского костюма, поскольку позволяла добиваться легкой походки при очень высоких каблуках⁸⁸. Со временем в России вошли в моду совершенно роскошные трости, в том числе украшенные изумрудами и бриллиантами. Однако петровские трости – особые: они отличаются интересными техническими решениями. К ним относятся упомянутые трость-линейка и оригинальная трость со зрительной трубой.

Нельзя не упомянуть, что в народе трости вызывали насмешку: крестьянам была не понятна функциональность этого аксессуара, поэтому трости нередко именовали «заморскими костылями».

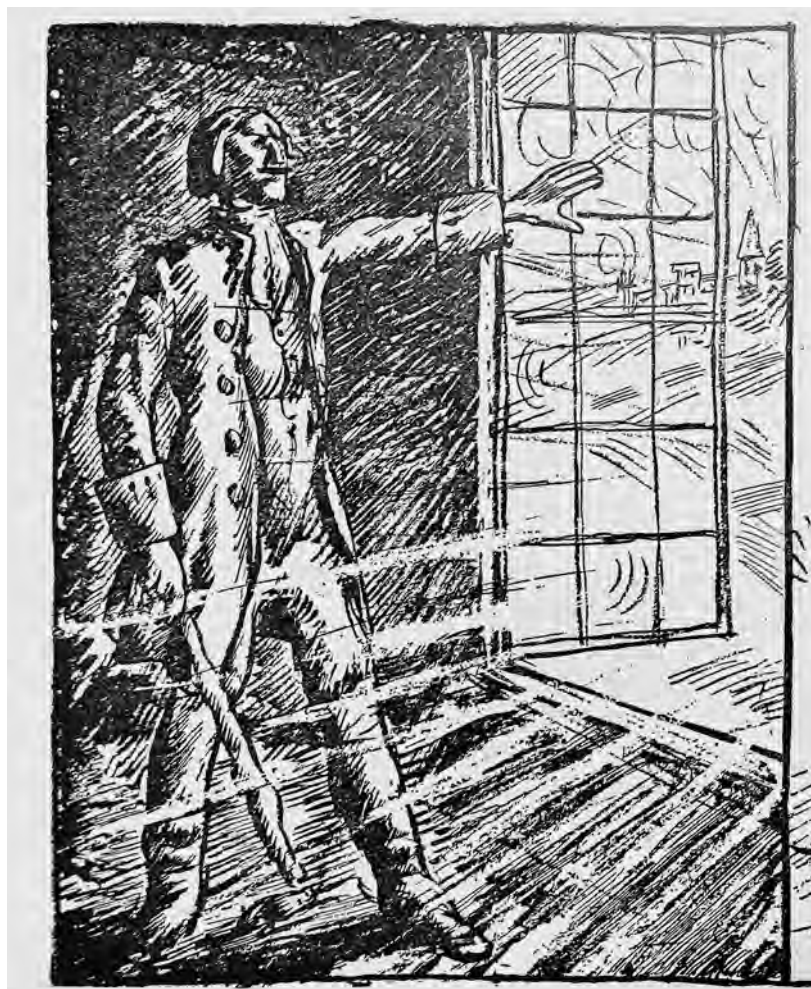
Иногда в преданиях царь вступает в конфликт со сверхъестественными силами и трость превращается из орудия наказания в орудие «дерзновения». Но даже тогда легендарная петровская трость оказывается бессильной перед чудодейственной силой местных святых... Одно из олонецких преданий повествует, что, проплывая Онежским озером, Петр посетил Клименецкий монастырь. Узнав, что здесь покоится преподобный Иона, бывший до пострижения новгородским торговцем, царь засомневался в святости последнего. Чтобы проверить, насколько чудотворны мощи подвижника, монарх ткнул гробницу тростью, и оттуда посыпались искры⁸⁹. Предание явно восходит к чуду, свершившемуся у гробницы Варлаама Хутынского: когда великий князь Иван III потребовал сдвинуть плиту с гробницы преподобного, из-под земли «изошел огонь... от дыму стены церковныя попалишася»⁹⁰. Князь в ужасе выбежал из собора, бросив свой посох, который еще в XIX в. показывали богомольцам в Хутынском монастыре. Однако Петр, если и был в Клименцах, свою трость не бросил и, в отличие от Хутынской, Клименецкая обитель не может похвастаться подобной достопримечательностью...

Как мы уже убедились, Петр дарил трости в знак особого расположения. Но, с другой стороны, напротив, будучи в гневе, царь запросто мог «приложиться» «дворянской принадлежности» к спине провинившегося. Но был ли от этого толк? Царь однажды пожаловался А. К. Нартову, что не может «обточить дубиною упрямец»⁹¹. Такого же мнения придерживался и французский мемуарист конца XVIII в. Ш. Массон. Размышляя о правлении Екатерины II, он, между прочим, заметил: «Как, будучи женщиной, могла бы она исполнить то, чего не могла совершить деятельная дубинка... Петра I?»⁹²

В самой же России ностальгия по петровской «дубинке», ставшей в глазах потомков неким сакральным символом справедливости, ощущалась еще долго... «Как жалко! – воскликнул, по свидетельству О. П. Беляева, один из посетителей Кунсткамеры, узнав, что царская трость погибла. – ...Она очень нужна для нынешних вертопрахов»⁹³. Генерал-губернатор Москвы граф Ф. В. Ростопчин, прощенный Александром I за сожженную Москву, простосердечно посоветовал императору: «Вы так милостивы и добры, Ваше Величество ко всем... а не худо бы было вам взять на время из Кунсткамеры дубинку Петра I»⁹⁴.

Впрочем, дворянская элита никогда не забывала о «палочных» наказаниях, к которым суровый монарх прибегал самолично, не разбирая чинов и званий... В екатерининское время в столице по этому поводу даже ходил следующий анекдот: «В 1770 г., по случаю победы... при Чесме, митрополит Платон произнес в Петропавловском соборе, в присутствии императрицы и всего двора, речь, замечательную по силе и глубине мыслей. Когда вития, к изумлению слушателей, неожиданно сошел с амвона к гробнице Петра Великого и, коснувшись ее, воскликнул: „Восстань теперь, великий монарх, отечества нашего отец! Восстань теперь и воззри на любезное изобретение свое!“ – то среди общих слез и восторга Разумовский вызвал улыбку окружающих его, сказав им потихоньку: „Чего вин его кличе? Як встане, всем нам достанется“»⁹⁵.

Чем именно будет наказывать своих подданных Петр, ни у кого не вызывало сомнений. Шотландец М. Гатри, опубликовавший вышеупомянутый анекдот в одном из эдинбургских журналов, например, ссылается на пожилого солдата, попросившего

Ил. 7. «Петр I открывает „окно“ в Европу». Карикатура.
Опубликовано в: *Новый Сатирикон*. Пг., 1915

Платона говорить потише, «чтоб и впрямь не разбудить Царя, у которого под рукой могла быть его Дубина (в английском оригинале: Dubeen. – *A. E.*)»⁹⁶. Характерно, что именно «царская трость» помогла М. Гатри лучше раскрыть образ российского монарха, который предстает перед шотландцем в роли странствующего рыцаря, чуть ли не Дон Кихота: «Долгое время, – пишет М. Гатри, – я считал Петра Великого, касательно применения его дубины, странствующим рыцарем варварской империи, вместо копья несущего дубину, которой он ограждал вдов, сирот и всех угнетенных и от которой виновников не спасали ни богатства, ни происхождение, ни чин»⁹⁷.

Мемуарист первой половины XIX в. Ф. Ф. Вигель видел в петровской трости символ царской власти, переходящий от государя к государю. Причем со временем грубое петровское орудие превращалось в некий сакральный и «эффективный» скипетр: «Перемена во всей России шла гораздо быстрее, чем при Петре Великом, и без пыток и насилий, – писал Ф. Ф. Вигель о просвещенной Екатерининской эпохе. – Гений

и улыбка Екатерины творили чудеса. Железная трость Петра Великого, переходя из рук в руки, обратилась в магический жезл, как скоро коснулась ее сия могущественная очаровательница»⁹⁸.

...Итак, чем дальше уходила в прошлое Петровская эпоха, тем четче вырисовывалась полумифическая фигура Петра I. При этом «орудие» царского наказания стало непременной частью этого образа. «У него была дубинка, с дубинкой любил [царь] ходить», – сообщает фольклорная запись, сделанная в 1971 г. в Карелии⁹⁹.

Именно таким – величественным государем, опирающимся на элегантную трость (в просторечии – «дубинку»), Петр запечатлелся в памяти потомков. И в этом немалая заслуга искусства. Образ царя с тростью, созданный скульптором М. М. Антокольским в 1872 г., стал очень популярен и позднее воплотился в многочисленных вариантах памятника – от Таганрога (1903) до Дербента (2015). В 1997 г. на этот характерный петровский образ обратил внимание Центробанк, разместивший на лицевой стороне 500-рублевой банкноты архангельский памятник великому монарху.

Счел необходимым «вложить» в петровскую руку трость и М. М. Шемякин – автор скульптурной композиции «Царская прогулка», открытой в Стрельне в 2003 г.

Легендарную трость, как неотъемлемый царский аксессуар, изобразил на своем позднем варианте картины «Петр I при Красной Горке...» (1899) И. К. Айвазовский. На полотне великого мариниста царь вглядывается в штормовую ночь, где среди бушующих волн терпит бедствие российский флот. Несмотря на весь драматизм ситуации, Петр невозмутимо опирается на трость. Эта, казалось бы, несущественная деталь придает фигуре царя превосходство: монарх словно принимает парад, а не стоит под взрывами ветра на диком ночном берегу...

В начале XX в. образ Петра существенно не изменился: Отца Отечества по-прежнему представляли с его привычной тростью: именно таким – стремительным и импозантным – запечатлел монарха В. А. Серов на картине «Петр I» (1907).

Морской офицер А. А. Гефтер, не в добрый час оказавшийся в революционном Кронштадте, признавался, что не «Медный всадник», а серовский Петр мерещился ему на полувымерших улицах ночного города: «Он [царь] идет без шляпы с развевающимися волосами, огромными шагами, так что свита едва за ним поспевает, гневно стуча дубинкой в такт своему шагу»¹⁰⁰.

Образ Петра I, «вооруженного» тростью, на протяжении XX в. широко использовался в карикатурах, наиболее ранние из которых были опубликованы в журнале «Новый Сатирикон» в 1910-х гг. (ил. 7).

И позднее царская «дубинка» не была забыта. Более того, в сознании россиян она по-прежнему являлась «действенным орудием». Только теперь петровская трость была обращена против новоявленных советских вождей. Московский обыватель Н. П. Окунев записал в своем дневнике, что после того, как Петроград спешно переименовали в Ленинград, по столице распространилась следующая легенда: «Ленин прислал с того света депешу, чтобы переименование это отменили, а то, говорит, Петр Великий мне покоя не дает, – бегают за мной с „дубинкой“ и кричат: „Ты у меня город украд!“»¹⁰¹.

В 1991 г. исконное название городу на Неве вернули и, надо полагать, душа императора успокоилась. Однако основатель Петербурга не дремлет: его монументальная рука по-прежнему опирается на внушительную трость, которая, кто знает, быть может, еще понадобится...¹⁰²

- ¹ Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. М., 1793. С. 266.
- ² Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1962. Т. 7. С. 192.
- ³ Майнов В. Н. Петр на Олонце // Дело. СПб., 1883. № 6. С. 92.
- ⁴ Полное и обстоятельное собрание подлинных исторических, любопытных, забавных и нравоучительных анекдотов четырех увеселительных шутов Балакирева, Д'Акости, Педрилло и Кульковского. СПб., 1869. С. 63–64.
- ⁵ Балакирева полное собрание анекдотов шута, бывшего при дворе Петра Великого. М., 1844. С. 29.
- ⁶ Полные анекдоты о Балакиреве, бывшем шуте при дворе Петра Великого. М., 1837. Ч. 2. С. 14–15.
- ⁷ Голиков П. П. Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1796. Т. 17. С. 341.
- ⁸ Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Императора Петра Великого // Сын Отечества. СПб., 1819. Ч. 55. № 31. С. 197–198.
- ⁹ Майков А. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 50.
- ¹⁰ Вильбуа Ф. Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. М., 1992. № 1. С. 143.
- ¹¹ Там же. С. 153.
- ¹² Басевич Г.-Ф. Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Юность державы. М., 2000. С. 404.
- ¹³ Дзювуд Ф. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 57.
- ¹⁴ Ришелье А. Ф. де. Пребывание Петра Великого в Париже. Из записок герцога де Ришелье // Телескоп. М., 1831. Ч. 2. Март. № 5. С. 7.
- ¹⁵ Миних Б. фон. Известие фельдмаршала Миниха о Ладожском канале // Сын Отечества. СПб., 1818. Ч. 43. № 4. С. 151–152.
- ¹⁶ Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. С. 133.
- ¹⁷ Лубяновский Ф. П. Воспоминания Ф. П. Лубяновского. М., 1872. С. 50.
- ¹⁸ Нащокин В. А. Записки. СПб., 1842. С. 8.
- ¹⁹ Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. С. 59.
- ²⁰ Он же. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / сост. К. В. Малиновский. М., 1990. Т. 1. С. 203.
- ²¹ [Анри де Лави – маршалу Дюкселю и Дюбуа. С.-Петербург, 11 ноября 1717 г.] // Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 34. С. 261.
- ²² Фоккеродт П.-Г. Россия при Петре Великом // Нейстовый реформатор. М., 2000. С. 82.
- ²³ Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1872. С. 22.
- ²⁴ Лефортов П. Журнал моего (Лефортова) путешествия, предпринятого по приказанию короля, к Его Величеству Царю в Ригу 19 апреля 1721 года // Сб. РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 333.
- ²⁵ Сарычев Г. А. Дневные записки плавания вице-адмирала, члена Государственной Адмиралтейств-коллегии, почетного члена Адмиралтейского департамента и гидрографа Гаврилы Сарычева по Балтийскому морю и Финскому заливу в 1802, 1803, 1804 и 1805 годах. СПб., 1808. С. 40.
- ²⁶ Беллев О. П. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. С. 67.
- ²⁷ Юбилейная выставка в память Державного основателя Санкт-Петербурга : каталог. СПб., 1903. С. 92.
- ²⁸ Подобный атрибут высшей военной власти, изображаемый на портретах Петра I, нередко ошибочно именуется «зрительной трубой».
- ²⁹ Лонгинов М. Н. Пушкин в Одессе (1824) // Библиографические записки. М., 1858. № 18. С. 553.
- ³⁰ Бестужев-Марлинский А. А. Поездка в Ревель. СПб., 1821. С. 98.
- ³¹ Там же. С. 99.
- ³² Самойлов Н. А. Гапсаль, древний разрушенный замок в Эстляндии и при оном того ж имени уездный город, где пользуются морскими ваннами. СПб., 1842. С. 50. В более поздней статье сообщается, что царская дубинка «до сих пор цела в семействе Раммов» (Дубинка Петра Великого // Исторический вестник. СПб., 1894. Т. 55. С. 276).
- ³³ Куускелмаа Ю. Петр I и Екатерина I в Таллинне. Таллинн, 2009. С. 92–93.

- ³⁴ Сарычев Г. А. Дневные записки плавания ... С. 40.
- ³⁵ Свиньин П. П. И моя поездка в Ревель 1827 года // Отечественные записки. СПб., 1828. № 93. С. 32–33.
- ³⁶ Петров А. В. Город Нарва и его прошлое. СПб., 1901. С. 346–347.
- ³⁷ Там же. С. 347.
- ³⁸ Мессельер де ла. Записки г. де ла Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 года // Русский архив. М., 1874. Кн. 1. Вып. 4. С. 966.
- ³⁹ Памятная поездка Петра I по Волге // Воскресный досуг. СПб., 1867. № 207. С. 111.
- ⁴⁰ Материкин А. В. Петровские реликвии (картуз и трость) из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Петровские реликвии в собраниях России и Европы: материалы III Междунар. конгресса петровских городов, Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 г. СПб., 2012. С. 91.
- ⁴¹ Чернецовы Г. Г., Н. Г. Путешествие по Волге. М., 1970. С. 138.
- ⁴² Беккер В. В. Воспоминания о Саратовской губернии. М., 1852. С. 69.
- ⁴³ Гераков Г. В. Путевые записки по многим Российским губерниям статского советника Гавриила Геракова. СПб., 1828. С. 44.
- ⁴⁴ Бабст П. К. Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864. С. 424.
- ⁴⁵ Юдин П. А. Петровские реликвии в Поволжье // Исторический вестник. СПб., 1903. Т. 92, май. С. 563.
- ⁴⁶ Памятная поездка Петра I по Волге. С. 111.
- ⁴⁷ Бабст П. К. Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича ... С. 424.
- ⁴⁸ Материкин А. В. Петровские реликвии (картуз и трость) ... С. 100.
- ⁴⁹ Мезин С. А. Петровские реликвии в Поволжье // Петровские реликвии в собраниях России и Европы. С. 107.
- ⁵⁰ С. А. Мезин ссылается на статью: Рябова С. П., Самойлова Г. П., Сутрун В. П. Петр Великий в Царицыне и на Среднем Дону. Волгоград, 1994. С. 122–126.
- ⁵¹ Мезин С. А. Петровские реликвии в Поволжье. С. 111.
- ⁵² Суковатые трости поступали также с Востока: подобным аксессуаром, например, обладал Степан Разин. В XIX в. трость разбойника экспонировалась в Артиллерийском Историческом музее. Раритет представлял собой длинную (178 см) незамысловатую палку, украшенную медными шляпками. Сверху был продет желтый шнур с кистью: так трость прочнее сидела в руке (Струков Д. Артиллерийский Исторический музей в Петербурге // Исторический вестник. СПб., 1892. Т. 48. С. 218 (ил.), 230).
- ⁵³ Булгарин Ф. В. Воспоминания. М., 2001. С. 126.
- ⁵⁴ Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725 // Юность державы. М., 2000. С. 133.
- ⁵⁵ Мезин С. А. Петровские реликвии в Поволжье. С. 111.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Царский камзол // Олонецкие губернские ведомости. Петрозаводск, 1880. № 32. С. 424.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Трубецких П. Ковш Петра Великого // Новгородские губернские ведомости. 1852. № 34. С. 3.
- ⁶⁰ Пребывание Петра Великого в Нижнем Новгороде // Северная Минерва. СПб., 1832. № 1. 147.
- ⁶¹ Майнов В. Н. Петр на Олонце. С. 114.
- ⁶² Материкин А. В. Петровские реликвии (картуз и трость) ... С. 105.
- ⁶³ Курукин П. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 62.
- ⁶⁴ Роо Н. Путешествие по Волге Николая Роо, бакалавра Оксфордского университета // Семья и школа. СПб., 1871. № 7. С. 35.
- ⁶⁵ Самойлов Н. Петр Великий на Марциальных водах, открытых 1716 года в Олонецкой губернии. СПб., 1852. С. 59.
- ⁶⁶ Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра, 1713–1913. СПб., 1913. С. 215.
- ⁶⁷ По-видимому, трость была приобретена И. И. Родионовым у частного лица: купец держал на Покровской улице большой магазин редкостей.
- ⁶⁸ Оружейная палата // Отечественные записки. СПб., 1821. Ч. 6, № 13. С. 138–139.
- ⁶⁹ Ныне – город во Львовской области (Украина).
- ⁷⁰ Писарева В. А. Подарки Петра I в Государственных художественных собраниях Дрездена // Петровские реликвии в собраниях России и Европы. С. 177, 181.

- ⁷¹ Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. С. 177.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. С. 346–347.
- ⁷⁴ Там же. С. 347.
- ⁷⁵ Мундкох (*нем.* mundkoch) – придворный служитель, заведующий кухней.
- ⁷⁶ Майков А. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. С. 52.
- ⁷⁷ Галем Г. А. Жизнь Петра Великого. СПб., 1813. Ч. 3. С. 241.
- ⁷⁸ Беляев О. П. Кабинет Петра Великого. СПб., 1793. С. 139.
- ⁷⁹ Бедаствие было таким сильным, что Екатерина II даже распорядилась перенести весь комплекс верфи из Адмиралтейства в Кронштадт.
- ⁸⁰ Беляев О. П. Кабинет Петра Великого. 1800. С. 67, 207.
- ⁸¹ Шредер Ф. Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу. СПб., 1820. С. 53.
- ⁸² Скроботов Н. А. Дворец Петра Великого в Нарве. СПб., 1872. С. 3.
- ⁸³ Булгагин Ф. В. Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году. СПб., 1839. С. 235.
- ⁸⁴ Библиотека Академии Наук // Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. СПб., 1844. № 38. С. 292.
- ⁸⁵ Из кабинетных сумм, уплаченных Иваном Черкасовым в 1717 году // Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 12, 63.
- ⁸⁶ Зейден К. Петр Великий в Дании // Исторический вестник. СПб., 1882. Т. 10, октябрь. С. 220.
- ⁸⁷ Впрочем, отдельные экземпляры тростей попали в Россию еще в допетровскую эпоху: в московской Оружейной палате хранится трость Бориса Годунова («единоголовая с двумя золотыми обводами и серебряной позолоченной цепочкой»). Еще одна «ранняя» трость из упомянутого собрания принадлежала царевне Софье Алексеевне. Золотая оправа рукоятки трости выполнена из красного сердолика с изумрудами, ствол покрыт лаком и расписан золотым орнаментом (см.: Оружейная палата. С. 133). О разинской трости уже упоминалось: см. примеч. 52. Первая же петровская трость известна с 1685 г. Тринадцатилетний соправитель Петр Алексеевич обладал «заморским» экземпляром, на костяной рукоятке которого была вырезана «немка» с венцом на голове (см.: Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. С. 66).
- ⁸⁸ В московской Оружейной палате хранится трость Екатерины I из черного дерева в золотой оправе с финифтью (см.: Оружейная палата. С. 138).
- ⁸⁹ Поездка Петра Первого в Соловки // Северные предания : Беломорско-Обонежский регион / изд. подгот. Н. А. Криничная. Л., 1978. С. 124.
- ⁹⁰ Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. М., 1836. С. 42.
- ⁹¹ Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Императора Петра Великого // Сын Отечества. СПб., 1819. Ч. 55. № 28. С. 75.
- ⁹² Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 45.
- ⁹³ Беляев О. П. Кабинет Петра Великого. 1793.
- ⁹⁴ Львова Е. Н. Рассказы, заметки и анекдоты из записок Елизаветы Николаевны Львовой // Русская старина. СПб., 1880. Т. 29, сентябрь. С. 201.
- ⁹⁵ Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1841. Ч. 1. С. 251.
- ⁹⁶ Кросс Э. Английский Петр : Петр Великий глазами британцев XVII–XX веков. СПб., 2013. С. 123.
- ⁹⁷ Там же. С. 135.
- ⁹⁸ Вигель Ф. Ф. Пенза // Русский быт в воспоминаниях современников, XVIII век. М., 2012. С. 510.
- ⁹⁹ Северные предания. С. 127.
- ¹⁰⁰ Гефтер А. А. «Еремеевская ночь» // Красный террор в Петрограде. М., 2014. С. 339.
- ¹⁰¹ Окунев Н. П. Дневник москвича. Париж, 1990. С. 589.
- ¹⁰² Выражаю искреннюю благодарность за консультации и помощь с иллюстрациями старшему научному сотруднику Отдела истории Русской культуры Государственного Эрмитажа Г. Б. Ястребинскому.